

Цзян Бухуань прожил в доме Лу Цинцзю уже почти месяц. Сначала его менеджер, обезумев, названивал ему, умоляя вернуться. Позже принялся выпытывать его местонахождение, собираясь явиться собственной персоной и увести силой. В конце концов он сдался. Путь его мыслей до этой точки был так извилист, что терялся в лабиринтах отчаяния. Если бы Цзян Бухуань то и дело не заверял, что с ним всё в порядке, его менеджер уже давно набрал бы номер полиции.

«Если я уйду - я умру!» - бросил Цзян Бухуань своему менеджеру. Тот, однако, решил, что Бухуаню кто-то угрожает, и пообещал нанять целую армию телохранителей.

«Я же сказал: тот, кто хочет меня убить, - не человек. Ах, забудь... Даже если расскажу, ты всё равно не поверишь». Цзян Бухуань понимал: его история звучит настолько безумно, что, не переживи он этого лично, сам бы решил, что у него не все дома.

«Если не человек, тогда кто же?» - Менеджер был на грани помешательства. Его звезда пропала на много дней, руша все графики. Пока ещё можно было скрывать, но ещё немного - и скрывать станет нечего. А если фанаты прознают, что Цзян Бухуань исчез, какой поднимется шум?

«Я и сам не знаю, что это, - ответил Цзян Бухуань. - Не могу больше говорить. Мне надо идти готовить».

У менеджера дёрнулись губы. Он открыл было рот, но Бухуань решительно отключился. Глядя на телефон, менеджер глубоко вздохнул. Если бы не видеозвонки, подтверждающие, что Цзян Бухуань жив и здоров, он бы уже заподозрил, что того похитили и держат взаперти безумные фанатки.

Повесив трубку, Цзян Бухуань отправился на кухню помогать Лу Цинцзю. Он пробыл здесь уже несколько дней, и с каждым днём всё острее чувствовал: эти люди - не обычные.

Лу Цинцзю велел ему не соваться во внутренний двор, но любопытство пересилило. Бухуань прокрался туда, однако увидел лишь колодец - такой глубокий, что дна не разглядеть, - да несколько ульев, из которых доносилось жужжание. Он не осмелился подойти близко, только выглядывал сбоку. Но стоило ему вытянуть шею, как из улья выскочило нечто, похожее на пчелу, и заорало: «Ты чего подсматриваешь? Извращенец, что ли?»

Цзян Бухуань остолбенел. Несколько секунд стоял, хлопая глазами, потом попытался оправдаться: «Нет... Просто любопытно стало...»

«Чего-чего? Любопытно? Я тут с женой сплю, а ты подглядываешь! Не боишься, что ячмень на глазу вскочит?»

Цзян Бухуань залепетал: «Простите, простите, я не хотел».

«А ну вали отсюда, чтоб я тебя больше не видел!» – рявкнула пчела.

Цзян Бухуань, пристыженный до мозга костей, поплёлся прочь. Он так стыдился своего непристойного поведения, что только в комнате сообразил: погодите-ка... Это же пчела! Но почему пчела умеет говорить? Он в очередной раз ощутил, насколько необычен этот дом. Впрочем, это был лишь мелкий эпизод.

Вскоре Цзян Бухуань узнал, что здесь живут две говорящие свиньи, корова, дающая молоко любого вкуса, и стая необычайно сильных кур. Поначалу он думал, что хоть люди тут нормальные, – пока однажды не увидел, как Инь Сюнь, нарезая овощи, случайно отхватил себе кончик пальца. Инь Сюнь решив, что мужчина этого не заметил, небрежно сунул отрубленный палец в рот и проглотил. Цзян Бухуань, видевший всё своими глазами, сделал вид, что ничего не произошло, смертельно боясь, что в следующий раз нож Инь Сюня пройдёт по его шее. В конце концов, он всего лишь человек.

Жить здесь было безопасно, но вечно оставаться он не мог. Цзян Бухуань не хотел уходить из шоу-бизнеса, к тому же это чужой дом, а совесть у него ещё оставалась...

Когда Лу Цинцзю провожал вернувшуюся на работу Чжу Мяомяо, Бухуань отыскал его, поблагодарил и вручил чек на семизначную сумму, деликатно осведомившись, когда же он сможет уйти без риска.

Хоть Цзян Бухуань и был знаменитостью, в этом доме он вёл себя скромно: каждый день помогал Инь Сюню убирать двор, мыть овощи, стараясь не привлекать внимания. Лу Цинцзю почти забыл о нём. Теперь, видя его жалким, он невольно усмехнулся. Он вежливо отказался от чека и пообещал разузнать.

«Старший брат, возьми деньги, – настойчиво уговаривал Бухуань. – Если не возьмёшь, я места себе не найду».

«Не нужно, у нас сейчас деньги водятся».

«Купи боссу побольше мяса ...»

«Он столько не съест. Да и не в деньгах дело. Я только спрошу, решить ли проблему – это уж как выйдет».

Цзян Бухуань всё ещё тревожился, но возразить не посмел. Ему оставалось лишь молиться, чтобы всё разрешилось поскорее и он смог благополучно покинуть Шуйфу. Жить в старом доме было уютно, но сама деревня казалась съёмочной площадкой фильма ужасов.

На следующий день Лу Цинцзю, улучив момент, заговорил с Бай Юэху о Цзян Бухуане. Спросил как бы невзначай: «Юэху, Цзян Бухуань столько у нас ест... Когда он уже сможет

уйти?»

Бай Юэху в это время грыз зелёные финики, которые Лу Цинцзю привёз из города. Он громко хрустел, но при этих словах замер. Лицо его потемнело.

«Сколько он уже съел?» - спросил он.

Лу Цинцзю сдержал улыбку: «Разве он не каждый день с нами за столом сидит?»

Бай Юэху нахмурился. «В Шуйфу его хотят убить».

«Но почему? - Лу Цинцзю опешил. Впервые Бай Юэху сказал такое. - Зачем убивать Цзян Бухуаня именно в Шуйфу?»

«Деревня Шуйфу - это граница. Говоря твоими словами, рубеж между мифами и реальностью. Раньше таких границ было много, но по мере того, как разделение между мирами ширилось, границы стали стираться. Теперь только в Шуйфу можно перейти из одного мира в другой».

Лу Цинцзю мгновенно понял.

«Дело в крови Цзян Бухуаня?»

«Да. - Бай Юэху кивнул. - Его предки тоже были хранителями границ, но теперь они целиком ушли в человеческий мир. Такая кровь редет, пока не исчезнет вовсе. Цзян Бухуань, скорее всего, последний в своём роду».

Лу Цинцзю задумался. Он сам был последним из семьи Лу, а Цзян Бухуань - последним из семьи Цзян. Только тот ничего не знал о таких вещах.

«Почему его хотят убить именно здесь?» - спросил Лу Цинцзю, чувствуя холодок.

«Если хранитель умрёт в Шуйфу, это повредит границу. - Бай Юэху помолчал. - Такое искажение почти не вредит людям, но для нас оно огромно».

«Искажение?» - Лу Цинцзю слышал этот термин уже второй раз.

«Да».

«Что это значит?»

Бай Юэху нахмурился, подумал с минуту. «Это воздействие на дух».

Объяснение оставалось туманным, но Лу Цинцзю уловил суть. «Как если ребёнок видит слишком много дурного и сам становится плохим, да?»

«...Можешь считать и так».

«Что же делать с Цзян Бухуанем? Не вечность же ему здесь жить».

«Невозможно», – отрезал Бай Юэху.

Было видно, что маленькая знаменитость, живущая у него на шее, ему уже поперёк горла. Но выгнать Бухуаня он не мог: стоило тому покинуть этот дом – его убили бы по дороге из деревни.

«Я решу это как можно скорее». – Бай Юэху взял финик, закинул его в рот целиком и с громким хрустом разжевал.

«Будь осторожен, не поранься», – сказал Лу Цинцзю.

«Буду».

Услышав это, Лу Цинцзю немного успокоился.

В течение следующих нескольких дней в доме царила безмятежная тишина. Весеннее солнце ласкало землю, даря такое блаженное тепло, что душа сама собой наполнялась покоем. Лу Цинцзю нарезал весь оставшийся с зимы сладкий картофель – тот, что они так и не съели, – расстелил во дворе бамбуковую циновку и разложил ломтики сушиться на солнце. Сушеный на солнце картофель получался полупрозрачным, упруго-тягучим и куда сочнее того, что вялили у огня. Всё равно весь запас им не одолеть, а превратить его в лакомство – дело мудрое и разумное.

Затем Лу Цинцзю пустил в дело остатки мёда и напёк множество десертов. Духовка теперь стала его верным помощником: он научился чутко управлять жаром, и хлеб выходил из печи точь-в-точь как магазинный, а по вкусу – на голову выше. Ведь молоко и мёд в его доме были особенными, такие в магазине не купишь.

В тот вечер Лу Цинцзю накрошил целый пучок лука-порая, нарезал гору свежей свинины и налепил пельменей – ровными рядами они покрыли весь стол. Каждый пельмень – с тончайшим тестом и щедрой начинкой, уже сырые они выглядели до того аппетитно, что дух захватывало. Инь Сюнь, обожавший пельмени, просял: «У нас что, Новый год? Зачем ты столько налепил?»

Лу Цинцзю бросил на него беглый взгляд и промолчал.

«А это что за взгляд? – нахмурился Инь Сюнь, недоумевая. – Смотришь так, будто мы съедим эти пельмени – и нас тут же отправят на тот свет ... М-м!» – Он не договорил: Лу Цинцзю зажал ему рот ладонью.

«Заткнись и ешь свой пельмень», – тихо, но веско произнёс Лу Цинцзю.

Лицо Инь Сюня вытянулось от испуга. Он зашептал: «Кто умрёт в этом доме? – И ткнул пальцем в грудь: – Надеюсь, не я?» – Неужели он наконец-то лишится статуса живого продовольственного запаса и сам станет блюдом на столе?!

Лу Цинцзю фыркнул: «Кому ты, чёрт возьми, нужен? Того, кто тебя съест, верно, пронесёт до утра».

Инь Сюнь: «...»

Лу Цинцзю поправился: «Мы едим Цзян Бухуаня... Нет, тьфу-тьфу, кто сказал, что мы кого-то едим?»

«А что ты задумал?» – не отставал Инь Сюнь.

«Что ты пристал с расспросами? Мало тебе просто пельменей?»

Инь Сюнь подумал: а ведь верно. Раз съедят не его, чего зря языком трепать? Лучше налегать на пельмени.

Цзян Бухуань ещё не знал о своей участи. Глядя на пельмени, что плавали в кипятке, он пускал слюни. Он, повидавший на своём веку немало вкусок, признавал: стряпня Лу Цинцзю – просто чудо. Вот и сейчас пельмени перед ним были особенными. Он попробовал один – и обомлел: ни грамма глутамата, только природный вкус. Лук-порей и свинина слились в совершенной гармонии, а если макнуть в уксус с чесноком... Это потрясло его до глубины души.

И всё же, кроме пельменей, Цзян Бухуань заметил странный взгляд Инь Сюня, устремлённый на него. Чуткий к вниманию окружающих, он обернулся и спросил: «Чего ты так на меня уставился?»

Инь Сюнь мысленно вздохнул: Жаль сородича по пищевой цепочке. Вслух же сказал: «Да так, ты красивый».

Цзян Бухуань впервые получал комплимент от не-человека. Он смутился: «А, спасибо».

«Не благодари, – ответил Инь Сюнь. – Я рад, что мы встретились».

Цзян Бухуань: «...» Что за тон, будто я при смерти?

Но стоило взгляду упасть на пельмени, как все тревоги улетучились. Когда угощение подали на стол, Лу Цинцзю первым делом поставил большую миску перед Цзян Бухуанем и с доброй улыбкой сказал: «Ешь, дитя, тебе нужно есть побольше».

«Э-э... Хорошо. – Цзян Бухуань откусил кусочек, и лицо его озарилось сияющей улыбкой. – Вкуснотища».

Пельмени были туго набиты начинкой. Стоило чуть надкусить – и обильный мясной сок брызгал на язык. Хотя они ещё обжигали, остановиться было невозможно. Цзян Бухуань запихивал их в рот один за другим, блаженно щурясь. Лу Цинцзю наготовил горы – были даже с креветками и луком. Цзян Бухуань объедался до отвала, живот округлился. За последнее время он ни в чем себе не отказывал и обрастал жирком со всех сторон. Для обычного человека это пустяк, но камеры всё видят: одному небу известно, какие пытки устроит ему менеджер, когда он вернётся домой.

При мысли о грядущем Цзян Бухуань усилием воли удержал еду, что рвалась обратно из горла.

Лу Цинцзю не останавливал его, лишь подкладывал ещё, глядя с нежной улыбкой. Но сидевший рядом Инь Сюнь вздрогнул, увидев это выражение. Про себя он решил: когда Лу Цинцзю такой мягкий – жди беды. Нет ничего страшнее человека, что снаружи ласков, а внутри уже почернел.

Цзян Бухуань объелся до отвала. Сидя на стуле и переваривая ужин, он услышал голос Лу Цинцзю: «Не хочешь прогуляться для лучшего пищеварения?»

Цзян Бухуань хотел отказаться, но под искренним взглядом не смог и кивнул: «Ладно, пойду проветрюсь».

«Иди», – мягко сказал Лу Цинцзю.

Цзян Бухуань медленно вышел за ворота. Он до смерти боялся этой деревни, а потому даже на прогулках не отходил далеко от дома Лу Цинцзю, кружа поблизости. Весна вступала в свои права, дни становились длиннее. На горизонте ещё полыхал великолепный закат – это и придавало смелости. Если бы стемнело, он ни за что не покинул бы спасительный двор.

Вокруг дома Лу Цинцзю жили редко. Только семья Ли Сяюя – Цзян Бухуань уже видел этого милого ребёнка, но из-за предубеждения против деревни Шуйфу не решался заговорить.

Он дошёл до места, где Лу Цинцзю парковал пикап, сделал несколько кругов, почувствовал облегчение и собрался возвращаться. Но вдруг что-то пошло не так. Он поднял голову: ещё миг назад ясное небо стремительно почернело. Над деревней Шуйфу сгустилась туча, закрыв последние отблески заката. Через несколько мгновений вокруг стало так темно, что хоть глаз выколи.

Сердце Цзян Бухуаня пропустило удар. Дурное предчувствие сжало грудь. Он выхватил телефон, включил фонарик и, освещая дорогу, бросился назад, к дому Лу Цинцзю.

Но двор, который был рядом, исчез. Сколько он ни бежал, задыхаясь, кругом – лишь незнакомые очертания, будто он попал в чужое место. Телефон беспомощно шарил по темноте.

«Есть кто? Кто-нибудь?! Помогите!» – закричал Цзян Бухуань в отчаянии. Он спотыкался, но не смел остановиться. Сделал ещё шаг – запнулся о камень и рухнул на землю. Поднял голову – и замер, потрясённый.

Над ним кружился водоворот чёрных облаков. Они клубились и вздымались, словно живая вода, а в самом центре зиял гигантский жёлтый глаз с вертикальным зрачком – холодным, как у древней рептилии. Он взирал прямо на Цзян Бухуаня.

«Ах...» – Цзян Бухуаня пригвоздило к земле этим взглядом. Тело окаменело. Облака всё плыли, складываясь в исполинскую драконью лапу. Глаз моргнул, и громадная когтистая лапа устремилась прямо на него. У Цзян Бухуаня не осталось сил ни бежать, ни противиться. Он сидел, словно кролик перед удавом, вытянув шею в ожидании смерти.

Но в этот миг кулон Будды на его груди вспыхнул ослепительным светом, окутав его целиком. Драконья лапа неслась вниз со свистом, готовая раздавить жертву. Цзян Бухуань от ужаса даже не закрыл глаз. И вдруг раздался яростный рёв дракона. Лапа натолкнулась на невидимую преграду и замерла в воздухе. Затем из земли взметнулся чёрный туман, и из него донёсся низкий, угрожающий рык. Под этим рыком облачная лапа начала таять, рассыпаться на глазах.

Но это было лишь начало. Владелец жёлтых глаз пришёл в ярость. Тучи взбугрились и закрутились бешеным вихрем. Из-за них вырвался иссиня-чёрный коготь, раздирая небо, – сквозь прореху хлынул свет заката. Чёрный туман на земле взмыл вверх, рассеялся, и Цзян Бухуань наконец увидел зверя, что таился внутри.

Это был дракон. Чёрный, как сама тьма, с телом, что тянулось бесконечно, затмевая горизонт. Его белые рога вздымались к небесам, а величавая голова занимала полнеба, словно сама судьба взирала на мир. В тусклом солнечном свете его темная чешуя вспыхивала ослепительными искрами – каждый дюйм этого тела казался безупречным, словно изваяние, высеченное рукой гения. Но ни один художник не смог бы создать такое совершенство. Это мог быть только дар небес – столь прекрасный и волнующий душу.

Цзян Бухуань застыл, глядя на это чудо. Все его существо поглотил этот гигантский дракон. А затем из облаков явился другой зверь – и встал перед ним. Он походил на первого дракона, но в пасти сжимал черный железный меч, а рога его были не белыми, а черными, как смоль. Увидев гиганта, он издал низкий, угрожающий рев.

Облака взметнулись и всклубились, и два дракона столкнулись в яростной схватке. Их зубы, тела и когти стали острым оружием. Ни единого лишнего движения – только грубая, первобытная сила.

Цзян Бухуань больше не мог смотреть. Силы оставили его. Под напором драконьей мощи его нос и рот наполнились кровью, а мир перед глазами поплыл. Если бы не барьер вокруг, он давно бы погиб. Но и сейчас он чувствовал себя отвратительно. Чтобы спасти свою жалкую жизнь, он закрыл глаза и даже зажал уши руками.

Однако звуки битвы все равно проникали в сознание – вперемешку с шумом легкого дождя и грохотом падающих обломков. По опыту Цзян Бухуань знал: это кровь драконов и сломанная чешуя. И, несмотря на страх, в глубине души он тревожился – не окажется ли черный дракон в темном тумане в беде.

Цзян Бухуань свернулся клубком. Слушал, слушал – и сам не заметил, как уснул. Когда очнулся, все стихло. Небо снова было спокойным, свет вокруг исчез. На земле не осталось ни крови, ни чешуи. Если бы не запекшаяся кровь у носа и рта, он мог бы подумать, что это был всего лишь нелепый сон.

Но мир вернулся в привычное русло. Цзян Бухуань поднялся с земли, и грудь пронзила боль. Он закашлялся, выплевывая кровь из горла.

К счастью, после кашля боль почти утихла. Он направился к дому Лу, спотыкаясь на каждом шагу. У входа его встретил панический голос Лу Цинцзю: «Юэху, Юэху, с тобой все в порядке?»

«Я в порядке, – голос Бай Юэху звучал легко, словно облака на ветру, готовые рассеяться. – Мне нужен отдых. Не беспокойте меня».

«Хорошо, иди отдохни. – Лу Цинцзю знал, что Бай Юэху пережил жестокую битву. Тревога сдавила сердце, но сделать он ничего не мог. – Я приготовлю тебе что-нибудь поесть».

На этот раз Бай Юэху не пошел во двор. Он вошел в свою комнату и рухнул на кровать, даже не переодев окровавленную одежду. Раньше, перед сном, он непременно снимал эту черную мантию.

Цзян Бухуань медленно вошел в дом, дав Лу Цинцзю возможность разглядеть его окровавленное лицо. Тот поспешно спросил: «Ты в порядке?»

«В порядке... - выдавил Цзян Бухуань. - У Бай Юэху серьезные раны?»

Лу Цинцзю горько улыбнулся: «Не знаю. Надеюсь, ничего страшного».

«Я видел, как он сражался с другим драконом», - сказал Цзян Бухуань.

«С другим драконом?» - Лу Цинцзю нахмурился.

«М-м. А что?»

Лу Цинцзю смутился: «Значит, ты видел истинный облик Бай Юэху?»

«Да. А что?»

«Как он выглядел?»

«Как дракон...» - Цзян Бухуань все еще не вышел из оцепенения.

Лу Цинцзю открыл было рот, но замолчал. В конце концов, ничего не сказав, он повернулся и пошел готовить еду для Юэху. Его «лисий дух» пострадал. Любопытство разрывало его, но он решил выяснить все позже, глубокой ночью.

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю: Что же это было? Это любовь заставила тебя так страдать, защищая Цзян Бухуаня?

Бай Юэху: Нет, я просто защищал свою еду.

Цзян Бухуань: Ву-ву-ву-ву-ву-ву-ву-ву-ву!

Переводчику есть что сказать:

ессо: Местный лис: Ах, эта маленькая знаменитость... как мышь подъедает мои запасы, тратит впустую мою еду!

А еще эта маленькая извращенная мышь подглядывает в спальню женатых пчел! Юэху такой милашка!

Что за темные силы желают повредить границу между мирами? Что за темные тучи собираются над Шуйфу?

Лу Цинцзю такой коварный (□□□) А Юэху – прекрасный дракон.

Этот глаз напомнил мне первую главу, когда на Цинцзю из щели в крыше смотрел геккон. Заодно пересмотрела коллекцию глаз геккона – зрелище не для слабонервных: мурашки по спине, и невозможно смотреть в эти странные глаза.

<http://bllate.org/book/15722/1636393>